©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 21, 2013

Вячеслав Бобрович

Беларусские интеллектуалы – нелюбимое “дитя” в патриархальной “семье”

Беларусское общество можно уподобить большой патриархальной “семье”, где есть свой “отец”, старшие и младшие “братья”, любимые и нелюбимые “дети”. Здесь каждый, играя свою роль, пытается показать себя послушным и исполнительным “ребенком”, заслужить одобрение или избежать наказания со стороны “родителей”. Так уж получилось, что беларусским интеллектуалам[1] в этой “семье” досталась роль нелюбимого “дитя”. Глава “семьи” не очень-то жалует тех, чей труд не приносит зримой материальной пользы. И если к “кузнецам цифр” он относится более или менее снисходительно, ожидая от них какого ни есть народно-хозяйственного эффекта, то “кузнецы слов” не вызывают в нем ничего кроме недоверия и критики. На первый взгляд может показаться, что причиной такого отношения является их так называемая “оппозиционность”. Однако, известно, что далеко не все интеллектуалы являются таковыми. А когда они впадают в такой “грех”, то автоматически переходят в категорию “изгоев” (оказываясь как бы за пределами “семьи”).

Причин негативного отношения к интеллектуалам со стороны беларусской власти много и они очень разные – начиная от проводимой в стране популистской политики (ориентированной на простые решения и не нуждающейся в каком-либо глубоком осмыслении) и кончая психологическими комплексами лидера, с молодости не доверявшего “шибко грамотным”. Такие люди прямо или косвенно подрывают авторитет главы государства как самого мудрого в стране человека.

Кроме того, добросовестное выполнение интеллектуалами своего профессионального долга (если таковым считать обеспечение качественного образования и научно-исследовательскую работу) может приносить власти ощутимый вред. Ведь ее конечным “продуктом”, так или иначе, становятся критически мыслящие, обладающие чувством собственного достоинства граждане, предъявляющие повышенные требования к тем, кого они избирают. Про-

[1] Сразу оговорюсь, что в данном случае в понятие “интеллектуал” не вкладывается никакого высокого смысла и используется оно исключительно для того, чтобы обозначить всех работников умственного труда, даже если результаты этого труда не соответствуют современным стандартам качества.

водимые интеллектуалами научные исследования могут лишний раз напомнить о глубине постигшего беларусское общество кризиса, о пагубности проводимой в стране волюнтаристской политики. Не случайно у власти сегодня под подозрением все, кто пытается сомневаться и мыслить самостоятельно. В ситуации насаждаемого сверху бездумного исполнительства любая попытка думать становится своего рода “протестом”.

“Нелюбимый ребенок” получает меньше “отцовского” внимания[2] и соответственно меньший кусок из общего котла. Зато слышит постоянные упреки в том, что “даром ест свой хлеб”. В сущности, он получает ровно столько, чтобы не умереть с голоду и не просить милостыню. Но главная проблема все же не в этом. Власть ничего не делает для того, чтобы “ребенок” развивался, не заботится о том, чтобы подготовить его к самостоятельной жизни. Скорее наоборот, она постоянно подпитывает в нем чувство зависимости и уверенности в том, что без мудрого руководства он ни на что не способен. Надо сказать, такая же воспитательная “политика” проводится и в отношении других “детей”, но на интеллектуалах она сказывается особенно пагубно. Получается, что их предоставляют самим себе лишь в тех вопросах, в которых (учитывая их привычку к опеке) этого делать не следовало бы – в поиске стимулов к труду, повышению квалификации, самосовершенствованию и пр. Для кого-то (таких немного) это служит толчком к изысканию и использованию новых возможностей. Для других (таковых, несомненно, большинство) – это прямой путь к регрессивному мышлению и поведению.

Положение беларусских интеллектуалов сегодня принципиально отличается от советского времени. Тогда многие из них выполняли “идеологическую функцию”, решая тем самым очень важную для коммунистов задачу по воспитанию “нового” человека. Выполняя такую “недетскую” работу, они имели гораздо более высокий, чем сегодня, авторитет и иной социальный статус. Продолжая аналогию с семьей, можно сказать, что тогда они играли роль не столько “детей”, сколько старших “братьев”, помогавших “родителям” в управлении государством.[3]

---

[2] Недостаток “родительского” внимания отнюдь не означает, что ему разрешено делать все, что заблагорассудится. Как и все “дети”, он с утра до вечера занят своими “игрушками” (заполнением бланков и отчетов, созданием всевозможных планов и программ), которыми его регулярно снабжают “родители”. Чтобы он не скучал, в его жизнь постоянно вносятся “инновации” в виде что-то запрещающих и “упорядочивающих” правил, переходов на “новые” стандарты обучения, упразднение или переименование учебных курсов и пр. Это очень похоже на то, как обычно ведут себя родители в отношении нелюбимых детей. Иногда они вспоминают о том, что чего-то “недодают” и, как будто устыдившись этого, какое-то время уделяют им повышенное внимание.

[3] Хотя надо сказать, что аналогии с патриархальной семьей для советского общества не совсем уместны. К концу своего существования оно выглядело в гораздо большей степени “модернизированным” и в гораздо меньшей степени патриархальным, нежели беларусское общество сегодня.

За это, как положено, получали различные льготы и преференции.

Сегодня ситуация во всех отношениях иная. В стране нет "руководящей и направляющей силы" в лице коммунистической партии, а у "идеологических работников" нет опоры в виде "единственно верного учения". В своих идеологических построениях они вынуждены ориентироваться на прихоти и настроения первого лица. Не удивительно, что отношение к ним как со стороны рядовых граждан, так и со стороны политического руководства довольно пренебрежительное. Так, например, несмотря на многолетние труды "идеологов" по созданию "идеологии беларусского государства", глава государства по-прежнему (о чем и сказал в одном из своих последних интервью) не понимает, что это такое и существует ли таковая вообще.

Как и все дети в беларусской "семье", беларусские интеллектуалы (по крайней мере те из них, кто входит в категорию бюджетников) являются опекаемыми, а, значит, и слабо подготовленными к самостоятельной жизни. Многих из них такое положение вполне устраивает, потому как избавляет от лишней ответственности, от ненужных хлопот и рисков. "Взрослая" жизнь поставила бы их в состояние довольно жесткой конкуренции, потребовала бы от них не в пример большего профессионализма и самоотдачи. В западном обществе деятельность преподавателя или ученого, журналиста или художника требует создания по-настоящему качественного продукта, получающего взыскательную оценку не только профессионального сообщества, но и общества в целом. В беларусских вузах качество учебного процесса давно уже никого не волнует, а научная работа превратилась в написание безликих тезисов на так называемых конференциях. Равным образом и работающие в государственных изданиях журналисты могут не утруждать себя погоней за сенсациями, а получающие государственную поддержку писатели и художники – не слишком беспокоиться о тенденциях мировой моды.

Конечно, не все беларусские интеллектуалы готовы мириться с отведенной им ролью пассивных объектов "родительской" опеки. В последние годы в их среде довольно четко наметилось размежевание между считающими такое положение вещей для себя вполне приемлемыми и теми, кто считает его ненормальным и даже оскорбительным. Именно такие люди выходили на улицы Москвы во время последних парламентских и президентских выборов в России, выражая протест по поводу унизительных для их гражданского достоинства сговоров и "рокировок" в высшем эшелоне власти, многочисленных фальсификаций на выборах. В то же самое время многие российские деятели культуры (среди которых можно было увидеть всеми любимых режиссеров, актеров, эстрадных исполнителей), спешили тем или иным образом засвидетельствовать свою лояльность и преданность действующей власти, выражая беспокойство по поводу так называемой "оранжевой угрозы". Легко заметить, что протестующие, у которых проснулось гражданское

самосознание, воспринимали власть всего лишь как нанятого (избранного в процессе выборов) и подотчетного народу менеджера, а российский народ – способным к выполнению роли ответственных граждан. Представители “охранительной” идеологии, напротив, наделяли власть особыми (сакральными, “отеческими”) характеристиками, позволяющими спасти страну от “смуты” и “разрушения”.[4]

Среди беларусских интеллектуалов подобный раскол нашел свое наглядное выражение в декабре 2010 года. На следующий день после разгона демонстрантов одни, испытывая горечь поражения, переговаривались на кухнях, другие – выступали с обличительными речами на телевидении. Для первых вышедшие на площадь стали образцом гражданственности и гражданского мужества, для вторых – примером противоправного, в лучшем случае, необдуманного, “легкомысленного” поведения. Уютно чувствующие себя под опекой мудрого “батьки”, эти люди считают всякий протест проявлением “незрелого” (читай – “невзрослого”) поведения. Стремление к свободе и самостоятельности воспринимается ими как “наивность” и неспособность “трезво” оценивать реальность.

[4] И та, и другая сторона часто вспоминали об опасности “русского бунта” (жестокого и беспощадного). Вот только одни полагали, что для его предотвращения необходимы демократические преобразования (предполагающие расширение свободы), а другие – усиление властного контроля.